

Миронов и она,

или Несколько общих соображений о мемуарной литературе

Культура. —
1999. — 30 дек. — с. 9

Мемуары сегодня пишут многие, читают или почитывают все: гении, таланты, политики, жены и друзья гениев, любовницы политиков и талантов. Сегодня ты автор, завтра — герой, и наоборот. Сообщающиеся сосуды. Чтение не напрягает мозг, но развлекает чувство. Расширяет кругозор и дает пищу для досуговых разговоров. «Вы знаете, у Кончаловского, оказывается, была уйма любовниц». «Вы слышали, что Марлен Дитрих была бисексуалкой? Интересно, кого она все-таки больше любила, Ремарка или Габена?» «А Миронов, надо же, избивал любимую женщину!» Этот пил, тот курил, этот кололся, тот пользовал чужих жен. Марина Влади, написавшая книгу о Владимире Высоцком, некогда открыла скандальный список авторов, которые считают умолчания в разговоре о великих меццанством. Сейчас бы эту книгу с удовольствием смаковала «желтая» пресса. Тогда же поднялся благородный скандал. То ли потому, что время еще не пришло, то ли потому, что Марина Влади была «не наша». Но она отвечала на критику равнодушно-спокойно, и тема исчерпалась довольно быстро. Время рассудило Марину Влади и ее оппонентов. Легенда Высоцкого и наша страсть к нему уцелели, а откровения Влади воспринимаются сегодня как часть самой что ни на есть правды. Она не повредила никому, даже возмущившимся когда-то детям Высоцкого. Может быть, для того, чтобы по достоинству оценивать мемуары (любые!), должно пройти время и страсти перегореть? Единственное, что несомненно: откровенные мемуары побуждают к откровенности оценок.

Шум, сопровождавший выход воспоминаний Андрея Кончаловского, был оглушающим. Казалось, вот оно: наконец ему удалось то, чего хотелось всегда, — остаться в нашем сознании первым режиссером, а не старшим братом Никиты Михалкова. Чувство соперничества, творческая несытость, недовольность, отравляющая душу зависть (белая, черная, к брату ли, к кому-то еще — какая разница?) — мотор этих воспоминаний, их скрытая пружина. Но прошла пара месяцев, и шума как не бывало. Зато какое непредвиденное послевкусие от прочитанного. «Низкие истины» (первая часть воспоминаний) остались в памяти возвышающим обманом. Их откровенность и самокритичность обезоруживали. То, с каким достоинством это декларировалось, восхищало. «Возвышающий обман» (вторая порция откровений) с неумолимостью демонстрировал низкую истину — автор образован, умен, профессионален до кончиков ногтей, владеет слогом, ремеслом,

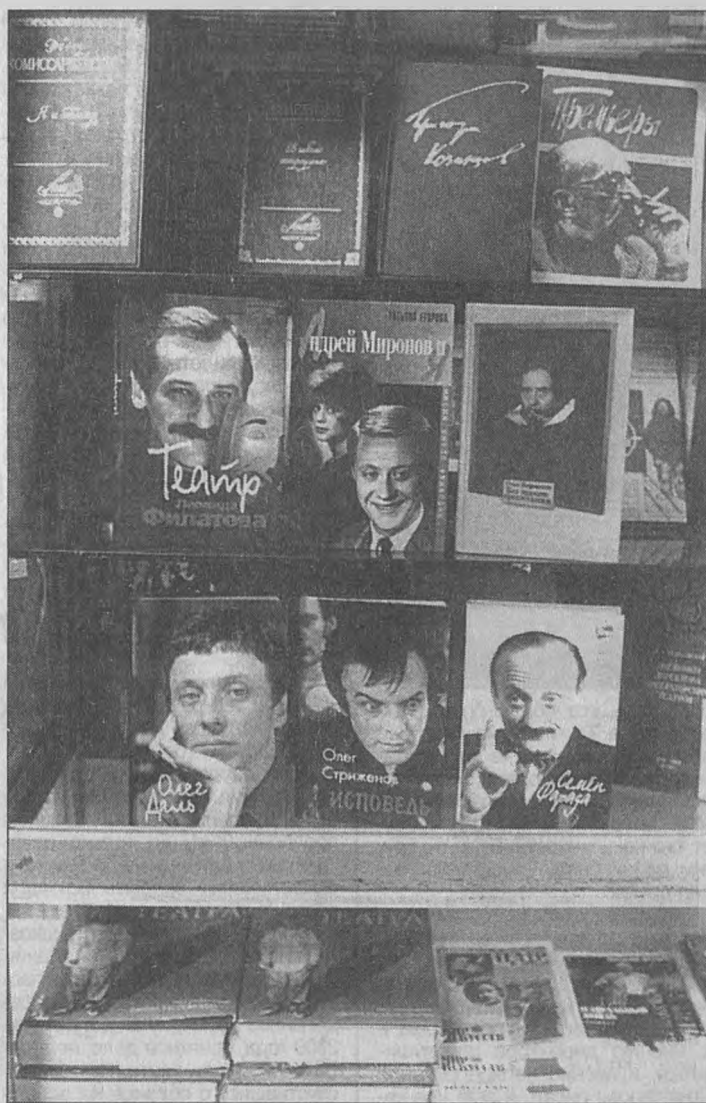

Фото Н.САМОЙЛОВА

имеет стиль и вкус, но — немасштабен как человек. Ему не знаком предрасудок любимой мысли, у него нет заветной творческой мечты, он столь эгоцентричен, что по высокому счету ему нечего сказать человечеству. «Рублева», условно говоря, ему не снять и мифа по себе не оставить. Сквозь еще недавно восхищавшую откровенность все чаще проглядывали эгоизм, равнодушие и, в сущности, презрение к тем, у кого он желает иметь признание. Что касается донжуанского списка, в котором названо несколько имен чужих известных жен... Это эффектно, это по-западному, смело. И это жалко: как бравадой и тщеславием автора маячит призрак старости и одиночества. Страх забвения и бессилие что-либо изменить.

Зато безумно жаль, если не станут сенсацией опубликованные дневники Олега Борисова. Условно

говоря, дневники — потому что «Без знаков препинания», — конечно, книга. Журналистика все больше падка на «жареное», ее восхищают и возбуждают только высказывания «на грани фолла». А целью автора (ныне покойного), Борисова-отца, и публикатора, Юрия Борисова-сына, было вовсе не желание досадить дневниковыми откровениями, скажем, О.Ефремову, или памяти Г.Товстоногову, или кому-то еще — хотя у Олега Борисова ко многим в этой жизни остался свой счет. Дневники Олег Борисов вел не для этого, и не это в написанном и прочитанном ошеломляет. При жизни ходили легенды о его трудном характере («Человек — г...о, а артист хороший», — он сам цитирует эту фразу, а потом язвительно комментирует: «Спасибо и на этом»). После смерти этот характер раскрылся с неожиданно лирической, романтической, местами даже эпической

стороны. На страницах дневника это просто поражает — масштаб личности, глубина размышлений, философский и иронический склад ума, старомодная щепетильность, лютая гордыня, с которой творческому человеку трудно жить, но без которой нельзя быть свободным... Литературный дар, наконец. Положите рядом с этими дневниками другие — Валерия Золотухина, например, «На плахе Таганки» — и почувствуйте разницу. Оба актера достаточно обоснованно воспринимали свою рускость, свою веру, оба (ирония судьбы!) сыграли одну роль в одном спектакле: после смерти О.Борисова Л.Хейфец ввел на роль Павла I В.Золотухина (в дневнике по этому поводу Золотухин черкнул радостно, что покойника переиграл). На этом сходство кончается. Как сравнить Мефистофеля с мелким бесом? Есть что-то отталкивающее в этой золотухинской исповеди — в ее непоследовательности, трусости, кликушестве, мелочности... Самое грустное при этом, что в правдивости золотухинских «записок» не сомневаешься, хотя бы потому, что автор не жалеет не только своих соратников по искусству, но и самого себя. Сомневаешься в том, нужна ли тебе вообще эта правда — или правда, таким манером изложенная. Может быть, и вправду «дневники — дело посмертное», как заметил Золотухин? А может быть, и мемуары — тоже?..

Мемуары — безумно увлекательное чтение. Почти детективное. В них нельзя скрыть ничего. Даже то, о чем мемуарист хотел умолчать. Что хотел забыть или переписать в своей жизни набело. Мемуары, в сущности, саморазоблачительны. Это очень опасно для автора и, что ни говори, самое интересное для читателя. Автор, который соврал себе на вопрос «Зачем я это написал?», должен быть готов к любым неожиданностям. Кто хотел одеться получше, может оказаться раздетым. Кто безоглядно сбросил одежды и маски, может быть милостиво пощажён. Кто собирался писать о другом, оказывается, написал о себе. Кто писал о себе, оказывается, отразил эпоху...

Татьяна Егорова обнародовала свою «любовную драму жизни» в претенциозно названной книге «Миронов и я». Тоскующие по сумасшедшим советским тиражам издания полощут это знамя на ветру вот уже который месяц. Не отметились только очень умные или очень ленивые. Фотографии «нашей Марины Влади» везде, от народного «Мегаполиса» до сносбистского «Каравана историй». Она сама — в телевизоре, на каждой театральной премьере (ирония судьбы: вчера еще — ею развенчанный Ширвиндт, а сегодня

она) — с книжкой наперевес благосклонно кивает, когда ее узнают и отвешивают комплименты. Ее звездный час пробил. Она гордится: она сделала это!

«Промоушен» потрясающий! «Говорят, тираж дошел до 100000 экз.» Книгу называют подвигом, авторессу — героиней (посмела спихнуть с пьедестала такие авторитеты!). Никому не приходит в голову, с каким чувством читает эту книгу, к примеру, дочь Андрея Миронова. «А пусть знают всю правду!». В газетной полосе эта история смотрится ужасно скандально. Хотя — интервью под кальку, цитаты под копиру. В каждом Татьяна Егорова повторяет фразы из собственной книжки, как разведчик заученную «легенду». В осадок выпадает немного. Вопрос: неужели Андрей Миронов вас бил? Ответ: мы все время дрались, но это не отменяет правды: я была единственной женщиной, которую он любил. (А кто опровергнет? Если я завтра крикну, прости господи, то же самое, станет ли жена Андрея Александровича поднимать крик? Глупо. Выигрывает тот, кто первым сказал «мя!»). «Два тома могла бы еще написать, но не хотелось грязь разводите», — делится Татьяна Егорова планами с журналистами. В этот момент, думаю, не один театральный персонаж вздрагивает, соображая, не встречался ли с автором на большой дороге и, если встречался, то каковы его шансы «вдраться в г...» (Ф.Раневская).

Для театрального человека Татьяна Егорова не открыла Америки. Театральный человек уж точно может сказать, что в книге если не все правдиво, то многое типично для этой среды. Но это не вся правда, и эта правда не одна. Театральный человек знает, к несчастью, что театр — это не только искусство, но и грязь. Но он же — в отличие от обывателя, который с таким жаром обсуждает книгу Т.Егоровой, — знает, к счастью, и другое: грязь не отменяет искусства и не исчерпывает его. Все сложнее и тоньше в этом самом честолюбивом из миров. Главное не в том, чтобы откровенничать до последней степени. Главное — ради чего это делать.

Книга Татьяны Егоровой — сентиментальнее, однообразнее, местами глупее, чем о ней говорят. Типичный женский роман. Странно, что этой «женской историей» еще не воспользовалась Оксана Пушкина. Это как раз в ее — ложно-душевном — стиле. В книге много красивостей, стилистических шероховатостей, литературно выстроенных мелодраматических диалогов: ведь Т.Егорова считает себя драматургом. Она, автор нескольких пьес, надеется, что наследует в этой кни-

ге самому Булгакову с его «Театральным романом», но тщеславие и долгие годы копившаяся мстительность торопят ее расширять в конце книги все придуманные для реальных персонажей псевдонимы. Главное — не театральный роман, а роман, который, впрочем, не вызывает ни восхищения, ни сострадания, как обычно романы великих и знаменитых. Главное — расплата со всеми, кто посмел обидеть «нашу девочку». Убеждает в том, что догадка верна, один очень смешной факт — то, как романтически-вдохновенно беспощадная Т.Егорова описывает Магистра, Марка Захарова. Он единственный, по-моему, пощажён в этой книге. Понятно: именно в его спектаклях она сыграла свои лучшие роли. Самое обидное во всем этом — не то, что Т.Егорова сама малосимпатична и человечески малозначительна в своей книге, а то, что мелок кажется наш кумир и ее герой — Андрей Миронов. Это Т.Егорова уже парировала в газетах: да, он был таким! Да нет же, и таким тоже. Чувствуете разницу? Некоторую компенсацию за свое разочарование в кумире испытываешь, вспоминая ситуации, в которых Т.Егорова получала от него «по морде»: судя по описаниям, — за дело.

На месте редактора я бы поставила финал этой книги в начало. Это, возможно, исправило бы дело. Финал — единственное, что дышит здесь настоящим драматизмом. В нем нет кокетства (в отличие от книги в целом). Две женщины, старая мать и возлюбленная, которые не поделили при жизни обожаемого мужчину, после его смерти становятся подругами и коротают уже никому не нужное время своей жизни в разговорах о нем. Только в финале пером Т.Егоровой водит любовь, когда свою несъютую страсть к герою она переадресует его матери. Совершенно ясно, что, будь Мария Владимировна Миронова жива, книжки бы не было. И не потому, что Т.Егоровой было бы стыдно перед ней за свою откровенность, — ей бы некогда было книгу писать, хватало бы разговоров. Верю, что она любила Андрея Миронова, но с годами одиночества и сиротства эта любовь перешла почти что в манию, почти что в болезнь. Надо говорить, говорить об этом, и тогда это будет правдой — его любовь к ней — единственной. В это уже веришь мало. Вообще же, как оказалось, в мемуарах всякого рода истина мало кого волнует. Важен порядок слов. Он убеждает или не убеждает.

Наталья КАЗЬМИНА